

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Наталья Александрова

Бриллиант из
крокодиловых
слез

Наталья Николаевна Александрова
Бриллиант из
крокодиловых слез
Серия «Смешные детективы»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24779299

*Бриллиант из крокодиловых слез / Наталья Александрова: Э; Москва;
2017*

ISBN 978-5-699-98611-8

Аннотация

Где лучше всего спрятать бриллиант? Разумеется, на самом видном месте – например, в крокодиле. Крокодила помещаем в болото, болото – в усадьбу олигарха, а сама усадьба пусть будет где-нибудь в окрестностях Петербурга, чтобы крокодилу хватило свежего воздуха. Добавим сюда влюбленную Катю, которой не нужен бриллиант, ей бы только вытащить собственного мужа из пасти олигарха, и ее неутомимых подруг – они как раз совсем не против бриллиантов, тем более когда ими готов поделиться такой симпатичный молодой крокодил...

Наталья Александрова

Бриллиант из крокодиловых слез

– Катюша, ты не могла бы принести чаю? – робко попросил профессор Кряквин.

Катя Дронова, его жена и восходящая звезда отечественного прикладного искусства, изумленно уставилась на мужа.

Нет, в такой просьбе не было ничего особенного, если бы она исходила от кого-нибудь другого. Но профессор был настолько неприхотлив и скромен в быту, что в его устах это прозвучало так, как если бы какой-нибудь обыкновенный муж попросил на завтрак стейк антилопы канна под соусом из черных трюфелей. Или дижонский сыр с тушеным шпинатом и фуа-гра.

– Валек, ты здоров? – Катерина потрогала его лоб.

На этом лбу можно было зажарить тот самый стейк антилопы – до того он был горячим.

– Валек, немедленно в постель! – Катя перепугалась не на шутку. – У тебя температура не меньше сорока градусов!

– Сорок – это совсем не жарко... – пробормотал профессор, но закашлялся и послушно отправился в спальню.

– Вот до чего доводит самолечение! – бросила ему вслед Катерина и схватила телефон.

Дело в том, что профессор Кряквин был крупнейшим специалистом по Африке. Он изучал население Черного континента, культуру этого населения и его удивительные обычаи. Значительную часть жизни профессор провел на бескрайних африканских просторах и был принят в качестве полноправного члена в некоторые племена. Ничего удивительного, что когда под сырым петербургским небом у него начались насморк и кашель, Валентин Петрович прибегал к помощи традиционных африканских средств.

– Это лекарство я получил от верховного колдуна племени козюмбра, – бормотал он, растворяя в стакане с водой подозрительный буро-зеленый порошок. – Оно непременно должно помочь. Здесь печень черного козла, яд змеи пuffed и засушенные цветки колуханции прекраснoлистной...

Судя по всему, африканскому средству, которое там, в местах обитания племени козюмбра, помогает от желтой лихорадки, зеленой лихорадки, геморрагической лихорадки Эбола и жуткой болезни под названием «черный кузнечик», не по силам оказалось сладить с обычной петербургской простудой, и дело дошло до высокой температуры.

И то сказать: в ноябре в Санкт-Петербурге ужасная погода. Целыми днями льет дождь, иногда с мокрым снегом. На асфальте этот снег немедленно превращается в грязную кашу, которую машины месят колесами. По мостовой изредка проезжают снегоуборочные машины и сбрасывают эту кашу с проезжей части на тротуар. Несчастливым пешеходам,

словом, достаётся все сразу: ледяной ветер срывает шляпы и бросает в лужу, головы поливает кислотный дождь, ноги мокрые по колено, потому что никакая обувь не выдерживает наших петербургских луж. А ведь еще надо ступать осторожно, чтобы не поскользнуться и чего-нибудь не сломать. Да, и желательно крепче держать портфели и сумки, чтобы их не вырвали шустрые злоумышленники.

Так что профессор Кряквин вовсе не был исключением – в ноябре в Петербурге болеют все.

– Немедленно в постель! – повторила Катерина и набрала номер поликлиники.

Сначала она несколько минут слушала унылые гудки. Наконец гудки прекратились, раздался щелчок, и раздраженный женский голос проговорил:

– Подождите!

Трубку явно положили на стол, и тот же голос продолжил разговор, прерванный Катиным звонком:

– Представляешь? Рубашку ему чистую каждый день подавай – это раз! Завтрак чтобы горячий – это три! И когда он отдыхает, чтобы я ходила исключительно на цыпочках! Тоже мне, олигарх нашелся!

Кто-то невидимый сочувственно повздыхал, трубка брякнула, и голос вернулся к Кате:

– Поликлиника!

– Можно вызвать врача?

– Нельзя! – рявкнула особа, не желающая ходить на цы-

почках. – Вы, дама, на часы смотрели? Вы раньше где были? Врача можно вызвать только с восьми сорока пяти до девяти ноль-ноль. Такие вещи знать надо.

– А если человек плохо себя почувствовал позже девяти ноль-ноль, что ему делать?

Вообще-то Катя была женщиной спокойной, всегда всем довольной и предпочитала ни с кем не портить отношения. Однако сейчас ее обожаемому мужу было плохо, а в такие минуты Катя превращалась в свою полную противоположность. За своего Валека она готова была бороться с целым взводом спецназовцев, что там какая-то тетка из районной поликлиники.

– Так что ему делать, ползти на кладбище? – Катерина начала закипать.

– Необязательно на кладбище, – огрызнулась особа, – можно в крематорий.

– А можно с вашим начальником поговорить? – процедила Катя, с трудом сдерживаясь.

– По вашему голосу, дама, непохоже, что вы больны, – не сдавалась собеседница. – Успокойтесь, вы совершенно здоровы.

– А я и не говорю, что больна! – Катя повысила голос.

– Тогда зачем вам врач? Что вы время у занятых людей отнимаете?

– Врач нужен не мне, а моему мужу профессору Крякви-ну!

Услышав насчет профессора, собеседница неожиданно смягчилась и почти сочувственно поинтересовалась:

– Температура какая?

– Сорок и две десятых! – выпалила Катя. Десятые всегда придают вранью убедительность.

– Ладно. – Особа пошелестела бумажками и милостиво изрекла: – Ждите, будет врач.

Катя положила трубку, перевела дыхание и устремилась в спальню, чтобы проверить, как там Валек.

Профессор, прикрыв глаза, лежал на кровати. Лицо его пылало, как племенной костер сенегальских охотников. Маленький, высохший от тропического солнца – от острой жалости к нему у Кати на какую-то минуту даже заболело сердце. Она под села к мужу, подоткнула одеяло, проверила лоб. Неужели стал еще горячее?

Валентин Петрович приоткрыл глаза и слабым голосом проговорил:

– Катюша, так как насчет чая?

– Ах да, чай! Сейчас принесу. – Катя поправила подушки. – Скоро придет врач, и все будет хорошо.

В эту самую секунду в дверь позвонили.

Катерина вскочила и помчалась на звонок. По дороге она едва не своротила статую африканского бога плодородия и чучело черной пантеры, подаренное профессору шаманом племени юк-юк.

Профессор Кряквин много ездил по свету. Свою люби-

мую Африку он изъездил вдоль и поперек, от Марокко до Кейптауна и от Сомали до Сенегала, а еще ввысь и вглубь – он видел пески Сахары, снега Килиманджаро и пещеры Чинхойи. Профессор изучал население Черного континента и был знаком с бедуинами в пустынях и с пигмеями в джунглях. Аборигены его любили и всегда дарили на память какие-нибудь сувениры. Африка – просторная страна, это вам не густонаселенная Европа, где повернуться негде. Нечего удивляться, что африканские друзья дарили профессору крупные подарки, и он все принимал, чтобы не обижать хороших людей.

Так в коридоре его квартиры скопилось множество экзотических вещей. Первое время Катя боялась этих чучел и масок, особенно в темноте, но потом привыкла. Даже научилась не ронять ценные экземпляры и не наткнуться на них.

Она распахнула дверь.

На пороге стоял крупный, довольно полный мужчина с маленькими, подозрительно блестящими глазками и коротко стриженными курчавыми волосами. Одет он был в серый плащ, разумеется, мокрый: на улице шел дождь.

– Здравствуйте, доктор! – Катерина посторонилась и пропустила курчавого в квартиру. – Надо же, как вы быстро! В вашей поликлинике вообще сначала сказали, что уже нельзя вызвать врача, но когда узнали, какая у Валека температура...

– В поликлинике? – удивился курчавый. – Ах да, в поли-

клинике! Конечно, в поликлинике... А где же наш больной?

– Вон там. – Катерина кивнула на дверь в дальнем конце коридора. – А разве вы не снимете плащ?

– Я его там сниму, – стал упираться доктор, – у меня там кое-что нужное. А как у вас интересно...

Он начал было оглядываться, но Катя глянула на него сердито: мол, человеку плохо, а вы тут экскурсию устраиваете. Доктор застыдился и устремился к больному.

В комнате он сбросил плащ на спинку стула, подсел к профессору и уставился на него с явным интересом.

– Ну-с, – проговорил он наконец, – что же у нас болит? На что же жалуемся?

– Он простужен, – немедленно вмешалась Катя. – Высокая температура, кашель...

– Вот как? Очень интересно.

Врач резко поднялся.

– А где у вас, хозяйка, ванная комната? Я хотел бы вымыть руки.

– Да, конечно! – Катерина бросилась к двери. – Это вон там, рядом с той деревянной маской!

– Ага. – Врач скрылся за дверью.

Он отсутствовал довольно долго, Катя уже хотела идти на разведку, чтобы убедиться, что доктор не утонул в просторной профессорской ванне. Наконец он вышел и вернулся к больному.

Он осмотрел профессора, заставил его сказать «а» и по-

вернулся к Катерине:

– Что ж, случай довольно обычный. Принимайте жаропонижающее и антигриппин. Обязательно обильное питье плюс домашние средства: малиновое варенье, мед – вы все сами знаете.

С этими словами он поднялся и схватился за плащ, который повесил на спинку стула.

– Скажите, а другого выхода в вашей квартире нет? – спросил он уже в коридоре.

– Другого? – вытаращилась Катя.

– Именно, другого. У меня, понимаете, еще один больной в вашем дворе. Так вот, нельзя ли как-нибудь так от вас выйти, чтобы прямо во двор? Чтобы не обходить?

– Ах да! – сообразила Катя. – Есть черный ход, конечно. Идемте в кухню, это там. – Она повела врача в другой конец квартиры.

«Странный какой-то доктор, – думала она, запирая за ним дверь черного хода. – Никаких инструментов, даже стетоскопа нет! Как же он прослушал Валека без стетоскопа?»

Впрочем, развивать эту мысль она не стала. Нужно было вернуться к мужу, чтобы проверить его состояние и решить, можно ли оставить его без присмотра и сбегать в аптеку.

На этот раз Валека лежал с открытыми глазами. Увидев жену, он хрипло вздохнул, скромно кашлянул и слабым голосом спросил:

– Катюша, так все-таки как насчет чая?

– Ах да, чай! – спохватилась Катя и направилась на кухню. Но именно в этот момент зазвонил телефон.

Звонила лучшая подруга Жанна Ташьян.

– Катерина, – сурово начала она, – надеюсь, ты не забыла, что мы с тобой сегодня идем по магазинам?

Жанна была преуспевающей деловой женщиной, работала нотариусом. Вечно занятая по горло, она тем не менее все успевала: и вести дела клиентов, и выглядеть отлично, и одеваться дорого и со вкусом. Правда, еще одна их подруга, Ирина, тихонько говорила Кате, что вкус у Жанки весьма специфический, чего стоят одни ее ярко-красные костюмы вызывающего вида. Хотя та же Ирина признавала, что их темпераментной черноглазой подруге красное, конечно, идет.

Но, несмотря на многолетнюю дружбу, Жанна никак не желала принимать Катерину такой, какая есть, и все время пыталась ее перевоспитать. Она утверждала, что Катя рассеянная, разболтанная, невнимательная и просто ленивая. От лени она не может работать, как все, а вечно ищет себе оправдание. От лени же и одевается хуже домработницы, потому что покупает в магазинах не то, что нужно, а то, что попадет под руку.

В конце концов, Жанна решила, что словами делу не поможешь, и сама время от времени выгуливала Катерину по магазинам – когда ей казалось, что пришла пора обновить гардероб.

Как раз сегодня Жанна выкроила время для такого похода, потому как была уверена, что давно пора приодеть Катерину к зиме. Прекрасно зная о Катькиной забывчивости, она позвонила заранее – и вот пожалуйста, сразу ясно, что поход сегодня не состоится.

– Понимаешь, Жанночка... – жалобно начала Катя.

– Даже слушать ничего не хочу! – мгновенно вскипела Жанна. – Я отменила завещание и дарственную и перенесла на завтра куплю-продажу, а ты знаешь, что это значит? Клиент может передумать или вообще обратиться к другому нотариусу!

– Извини, сегодня никак не могу. – В голосе Екатерины слышалась не свойственная ей твердость. – Валеk болен, температура высокая...

– Так накорми его антигриппином или чем там еще – аспирином, анальгином, в конце концов. Катька, очень уж ты над ним трясешься, он же не маленький ребенок у тебя!

– Ему плохо, как ты не понимаешь? – возмутилась Катя. – Я не могу его оставить в таком состоянии.

– От этих мужей одни неприятности, – заворчала Жанна, когда стало окончательно ясно, что на этот раз Катька не уступит. – Вот что хорошего ты от него видела? То в своей Африке проторчал чуть ли не полтора года, то жену черную оттуда притащил, то...

– Извини, Жанна, мне нужно срочно в аптеку! – И Катя поскорее повесила трубку.

Нет, Жанна была не против мужчин вообще, а исключительно против мужей. Она утверждала, что мужа современной деловой женщине только мешают. Какой от них толк? Дети рождаются? Так ведь не каждый год это происходит. Дети вырастают и вполне могут встречаться с папочкой на стороне. А так он сидит дома и требует чистое белье и полноценный обед каждый день. Да еще общение ему подавай. Его нужно утешать и жалеть, когда обидят на работе, над ним нужно квохтать, когда разобьет радикулит или разболится зуб. А когда прикажете заниматься собой? Когда, спрашивается, расслабляться после тяжелого дня на работе? Когда отдыхать? Нет, Жанна была решительно против мужа в доме. В этом вопросе Катерина была с ней не согласна, но сейчас не время было продолжать давнюю дискуссию.

– Катюша, все-таки, может быть, принесешь мне чашку чаю? – подал голос профессор Кряквин и зашелся лающим кашлем.

– Ах да! – спохватилась Катерина и бросилась на кухню. Но не добежала: в дверь снова позвонили.

Известно, что дверные звонки могут звучать очень по-разному в зависимости от характера и настроения того, кто звонит. Так вот, на этот раз звонок был решительный, требовательный, нетерпеливый, можно даже сказать, хамский.

Катерина резко изменила траекторию и едва не свалила деревянную статую центральноафриканского бога дождя

Укуруку.

На этот раз она открыла не сразу. Во-первых, сейчас она никого не ждала, а во-вторых, в памяти тут же всплыли рассказы о легкомысленных женщинах, которые открывают дверь незнакомцам и впоследствии очень об этом жалеют.

Она глянула в глазок.

Линза дверного глазка, как известно, сильно искажает изображение. В первый момент Кате показалось, что на лестничной площадке стоит чудовище с жабыми глазами и всклокоченным мехом вокруг головы. Она испуганно ойкнула и спросила:

– Кто это?

– Будем хулиганить или будем дверь открывать? – проквало создание за дверью. – Сначала вызывают врача, а потом держат на площадке! Мне с вами в прятки играть некогда!

– Врача? – удивилась Катерина и машинально открыла дверь. В квартиру ввалилась тетка неопределенного возраста. Как выяснилось, глазок не слишком исказил ее внешность: у тетки действительно были выпученные жабы глаза, а одета она была в фиолетовую куртку с воротником из облезлой норки.

– Держат за дверью! – не унималась тетка, продвигаясь в глубь квартиры. – А у меня, между прочим, двадцать восемь вызовов. Некогда мне на лестнице околачиваться! Откройте рот, скажите «а».

– А я не больна. – Бедной Кате пришлось отступить перед

теткиным напором.

– А если не больна, зачем тогда врача вызывать? Сегодня что, первое апреля? У меня, между прочим, тридцать два вызова.

– Мой муж болен, – виновато потупилась Катя.

– Этот, что ли? – Странная гостья остановилась перед статуей вождя племени козюмбра в парадном облачении и прикоснулась к груди вождя стетоскопом. – Дышите! Мужчина, я сказала «дышите», а вы не дышите. Какой-то он у вас странный. Он что, всегда такой или только во время болезни?

– Это не он, – Катерина потянула врача за рукав, – он вот в этой комнате!

– А, тогда ладно. – Тетка утратила к статуе всяческий интерес и двинулась в спальню профессора.

– Доктор, давайте я вашу куртку повешу, – робко предложила Катя, увидев, что тетка направляется к постели больного прямо в верхней одежде.

– Куртку? – Та притормозила и с недоверием покосилась на Катю. – А плечики у вас есть? А то все норовят прямо на крючок нацепить, всю норку мне обтрепали!

– Не беспокойтесь, доктор. – Катя предъявила деревянные плечики, после чего тетка все же с видимой неохотой сняла куртку.

Усевшись на кровать, она уставилась на больного.

– На что жалуется? – поинтересовалась она, ни к кому

конкретно не обращаясь.

– Он простужен, доктор, – поспешила ответить Катя. – Температура высокая, кашель...

– Сама вижу, – огрызнулась докторша, – вас не спрашиваю! Скажите «а», – тут же велела она профессору. – Широко откройте рот и скажите «а»!

Профессор едва заметно пошевелился, приоткрыл рот и выдавил какой-то странный звук.

– Все ясно. – Тетка поднялась. – ОРВИ.

– Что? – испугалась Катя.

– ОРВИ, острая респираторная вирусная инфекция. Антигриппин, жаропонижающее, обильное питье и домашние средства: малина, мед... Только у вас ничего этого нет, скорее всего.

– Почему же нет, – обиделась Катя. – Малина у меня есть, прошлогодняя, правда, а мед я куплю. Тот доктор, что приходил перед вами, говорил то же самое.

– Какой еще доктор? – подозрительно сощурилась тетка. – Какой еще приходил?

– Перед вами у нас уже был врач, тоже из поликлиники...

– Что же вы мне сразу не сказали? – выпалила она. – Что вы мне голову морочите?

– Да вы мне слова сказать не давали! – не осталась в долгу Катерина.

– Голову морочат, а у меня, между прочим, тридцать девять вызовов! Кто их обойдет? Вы их обойдете?

– Нет, – честно призналась Катя.

– И они там тоже хороши! – не унималась тетка, на ходу влезая в рукава куртки и топая к дверям. – Совсем с ума посходили! Посылают по два врача на один адрес! Знают же, что у меня сегодня сорок два вызова, и хоть бы что! – Она уже взялась за дверную ручку и вдруг повернулась к Кате: – А больничный-то?

– Больничный ему не нужен, – отмахнулась та.

– А если больничный не нужен, тогда зачем было врача вызывать? У меня, между прочим, пятьдесят два вызова!

– А что, врача вызывают только из-за больничного? – искренне удивилась Катерина.

– А для чего же еще?

За непробиваемой докторшей с грохотом захлопнулась входная дверь.

Катерина перевела дыхание и потрясла головой, как будто ей в уши попала вода.

Потом она вспомнила, что антигриппина в доме нет, накинула свою любимую куртку серо-зеленого цвета и помчалась в аптеку.

На улице шел унылый осенний дождь. Проезжающие машины норовили окатить прохожих грязной водой, и пешеходы испуганно жались к стене. Ближайшая к дому аптека оказалась закрыта. В следующей, возле метро, к единственному окошечку выстроилась гигантская очередь.

Катерина пристроилась в хвост и задумалась.

В такой унылый осенний день хотелось чего-нибудь яркого, необыкновенного. Например, придумать удивительное панно из пестрых, сверкающих тканей и украсить его блестками. Или поехать куда-нибудь далеко, где нет унылого дождя, где ласково плещет морской прибой и солнце светит триста шестьдесят пять дней в году. Например, в Африку.

Стоило ей подумать об Африке, как она вспомнила о своем больном муже и устыдилась. Он лежит там больной и одинокий, а она здесь, видите ли, мечтает!

– Девушка, можно вас попросить? – раздался вдруг рядом хриплый задушевный голос. – Купите мне настойку боярышника, а? Мне от сердца, буквально пять пузырьков...

Катя подняла голову и увидела небритого мужчину с тусклыми слезящимися глазами. Он протягивал ей несколько скомканных купюр.

– Так купите сами, я вас пропущу без очереди, – предложила она.

– Нашлась тоже добрая, – проворчала стоявшая за ней бабка. – Я, может, тороплюсь!

– Мужчине плохо! – попыталась пристыдить ее Катерина.

– Ага, плохо ему, – проскрипела бабка. – Со вчера ему плохо! Душа у него горит!

– Девушка, мне не отпустят, – уныло протянул мужчина.

– Конечно, не отпущу! – донесся голос из окошечка. – Я его знаю как облупленного! Каждое утро за этой настойкой тащится, чтобы опохмелиться. И вам, женщина, не советую

ему ничего покупать. Вам самой что нужно?

– Антигриппин и жаропонижающее, – заторопилась Катя.

Она вернулась из аптеки и уже в коридоре вспомнила, что так и не принесла мужу чай. Окончательно устыдившись, она помчалась в спальню – проверить состояние больного.

Валентин Петрович грустно смотрел в потолок и тяжело, с присвистом дышал.

– Как ты, Валек? – Катя с тревогой склонилась над мужем. – Я принесла тебе лекарства.

– Кумамбра, – едва слышно отозвался профессор. – Кумамбра футу-фруту.

– Господи! – Катерина схватилась за сердце. – Валек, что с тобой? Тебе совсем плохо?

– Амбакуюк, – только и ответил он. – Бардышлы камышлы.

– Ой! – Катерина попятилась и при этом уронила стул.

Грохот упавшей мебели привел ее в чувство. Она схватила с тумбочки градусник и сунула мужу под мышку.

– Аку-маку быр-быр, – оценил заботу профессор и прикрыл глаза.

Катерина опустилась на краешек кровати и уставилась на мужа. Едва дождалась, когда пройдут пять минут, и вытащила градусник.

Ртуть поднялась до отметки сорок и две десятых.

– Ой! – повторила Катерина и схватилась на этот раз за голову. – Ой! – воскликнула она снова и потянулась к те-

лефону.

Как всегда в трудную минуту, она позвонила Ирине Снегиревой.

Ирина была самой близкой ее подругой. Такой же близкой, как Жанна. Но по сравнению с Жанной у нее были два огромных преимущества.

Жанка в любой трудной ситуации сначала ругает Катю и принимается ее перевоспитывать. Нет, конечно, потом она бросается на помощь, но это уже потом. Ирина не такая – первым делом она всегда спешит выразить сочувствие.

И еще Жанка ужасно занята и всячески это подчеркивает. Ирина тоже много работает, но у нее всегда найдется несколько минут для любимой подруги. Свои детективы она строчит дома за компьютером, поэтому ее всегда можно застать на месте. Однако работа есть работа, и иногда Ирина попросту отключает телефон, чтобы ей не мешали сосредоточиться. Но, кажется, сейчас, как смутно помнила Катя, Ирка как раз закончила очередной роман и еще не успела полностью погрузиться в следующий.

Трясушимися руками она тыкала в вечно западающие кнопки и молила бога, чтобы Ирина оказалась дома. Очевидно, телефону передалось ее состояние, потому что Ирина ответила мгновенно.

– Катерина, что случилось? – строго спросила она. Знала по опыту, что если Катю сразу не приструнить, она будет полчаса рыдать, сопеть, сморкаться и до сути разговора до-

берется бог весть когда.

– Валек, – едва слышно шепнула Катя: силы от горя ее покинули окончательно.

– Что, снова уезжает в Африку? – поинтересовалась Ирина. – Не переживай так, это уже было – съездил и вернулся, никто его там не съел. Наберись терпения.

– Он заболел, – выдохнула Катя в трубку, собрав силы.

– Простудился? Дай ему горячего чаю с малиной, горчицы в носки насыпь, пледом укрой. У вас в коридоре вечно сквозняки гуляют и в окна дует.

– Чай? – встрепенулась Катя. А ведь она так и не принесла мужу чай, хотя он просил. А теперь уже ни о чем не просит, только лежит и говорит по-африкански...

– Катька, кончай реветь! – прикрикнула Ирина. – Говори толком, что у тебя стряслось!

Плотину прорвало. У Катерины прорезался голос, и, захлебываясь слезами, она поведала о своих несчастьях.

– А врач выписал антигриппин. И еще чай с медом. Я пришла из аптеки, а Валек бредит.

– Бредит? – Теперь Ирина забеспокоилась. – Так, еще какие симптомы?

– Кашляет сильно, прямо заходится...

– Кашель какой, – перебила Ирина, – сухой или мокрый?

Вырастив двоих детей, она прекрасно разбиралась в оттенках кашля и вообще в простудных заболеваниях. В инфекционных, кстати, тоже.

– Полусухой, – пробормотала Катя. – Ой, что я говорю! Сухой, как будто лает.

– Да у него, наверное, бронхит! А температура?

– Сорок и две, – прорыдала Катя.

– Не врешь? – ахнула Ирина. – Катька, да ты с ума сошла? Какой еще чай с малиной? Ему надо срочно температуру сбить, а то сердце не выдержит! Немедленно вызывай неотложку!

– Это по ноль-три?

– Ноль-три – это «Скорая», а тебе нужна неотложка, и не простая, а платная, потому что тех полдня прождешь – у них вызовов до черта! Записывай телефон! И соберись, Катерина, рыдать будешь, когда мужу полегчает.

Этот призыв сработал. Катя утерла слезы, набрала номер неотложной помощи и внятно объяснила девушке, какие симптомы у ее мужа.

Профессору, похоже, было совсем плохо. Катю он не узнавал и упорно продолжал говорить на каком-то африканском наречии. От него несло жаром, как от камней, нагретых жарким африканским солнцем. Катя обтерла ему лоб мокрым полотенцем и вышла в коридор, не в силах смотреть на такое безобразие.

В это время в дверь снова позвонили.

Как уже было сказано, дверной звонок может звучать очень по-разному в зависимости от настроения и характера

того, кто за дверь. Предыдущий звонок был требовательным и нетерпеливым, под стать тетке участковой с ее жабыми глазами и сорока пятью вызовами. На этот раз он тренькал взволнованно, как будто спешил на помощь. Впрочем, так и было.

Катерина выбежала в прихожую и распахнула дверь.

В квартиру вошел седенький старичок с редкими пушистыми волосиками, напоминающими пух одуванчика, и детскими голубыми глазами, излучающими теплоту и оптимизм.

– Ну-с, голубушка, – воскликнул старичок, потирая пухлые ручки и сбрасывая старомодное, но аккуратное бежевое пальто, – где у нас больно́й?

Под пальто у него оказался белоснежный халат, на шее висел хромированный стетоскоп. Катя немедленно почувствовала к старичку доверие.

– Пойдемте, доктор! – Она двинулась к комнате профессора.

– Только сначала руки помыть. – Доктор свернул к ванной. – Знаете, сколько вокруг микробов? На каждом шагу, голубушка, на каждом шагу микробы!

Через несколько минут старичок склонился над профессором Кряквиным и приложил к его груди теплую пухлую ладонь.

– Так-с, больно́й. – Он постучал по тыльной стороне ладони костяшками другой руки. – А теперь покашляем!

– Аку-маку мамбаку! – поприветствовал его Валентин Петрович.

– На каком это языке? – Весьма заинтересованный, доктор развернулся к Катерине.

– Не знаю, – Катя пожалала плечами, – может быть, на суахили. Мой муж – африканист, он много времени проводит в джунглях.

– Вот как? – нахмурился врач. – Перемена климата может оказаться весьма опасной. Представляете, какой это стресс для организма – из жарких джунглей в нашу сырость и слякоть!

Он снова повернулся к больному и принялся простукивать его грудную клетку.

Еще через минуту доктор тяжело вздохнул, отстранился от профессора и задумчиво проговорил:

– Не знаю, как вам и сказать, голубушка...

– В чем дело? – Катя побледнела. – Доктор, что с ним? Это какая-то африканская лихорадка? Неужели это «черный кузнечик», самая страшная болезнь джунглей? Прошу вас, скажите мне правду!

– Зачем лихорадка? Какой еще кузнечик? Самая обыкновенная пневмония, голубушка! И молитесь богу, чтобы оказалась односторонняя.

– Вы в этом уверены? – Катя явно сомневалась в словах доктора. – Вот так, без рентгена, без флюорографии?

– Какая флюорография, голубушка! Поработаете с мое –

все будете на слух определять. Уши опытного врача гораздо надежнее любого аппарата. А от рентгена, голубушка, больше вреда, чем пользы!

– Конечно, облучение, – грустно кивнула Катя.

– Да облучение там небольшое, – отмахнулся доктор. – Облучение – это полбеды. Хуже другое: врач полагается на технику и перестает доверять собственным рукам и ушам. А техника может и подвести. Или ее могут перехитрить. Вот у меня случай был: один молодой человек не захотел проходить флюорографию и послал вместо себя друга. Тот был здоров, и рентген, понятное дело, ничего не показал. Хорошо, что я сам увидел первого молодого человека и прослушал его. Оказалась пневмония, и не простая, а двухсторонняя! Хотя вы зря, голубушка, так убиваетесь. Сейчас пневмония прекрасно лечится. Отличные прогнозы! Мы его госпитализируем, и через пару недель будет как новенький.

– Мне не нужен новенький, – простонала Катя, – мне нужен этот. Я к нему очень привязана!.. А что, разве обязательно госпитализировать? Разве нельзя лечить его дома?

– Дома? – Врач с сомнением покачал головой. – Вы, голубушка, капельницу ставить умеете?

– Капельницу? Это такая бутылочка с дыркой в пробке?

– Понятно, – протянул врач. – А хотя бы уколы делать можете? Хотя бы внутримышечные?

– Нет, – честно призналась Катя, – с детства боюсь уколов. А что, это обязательно?

– Естественно, голубушка, – вздохнул старичок. – Капельницу нужно ставить раз в день, а уколы делать – не меньше трех, если, конечно, мы хотим добиться положительного результата. Нет, воля ваша, придется госпитализировать!

Профессор Кряквин приподнялся на кровати и высказал, что он думает об услышанном:

– Быр-быр кандымыр фук-фук!

– Вот видите, ваш муж разделяет мое мнение! – Доктор вытащил из кармана халата мобильный телефон и набрал номер: – Сережа, голубчик, вы где? Ах, вот как! Вот и отличненько, заедете сюда и заберете больного с пневмонией.

Доктор продиктовал Катин адрес и отключился.

– Вот и отличненько, – он повернулся к Катерине, – сейчас за ним приедут. Машина с санитарями как раз поблизости. Отвезут его в больницу, и будет с вашим мужем все в порядке...

Последние слова доктор произнес как-то неуверенно, и в душе у Кати шевельнулось страшное подозрение.

– А в какую больницу его отвезут?

– В какую? – Доктор замялся, отвел глаза и протянул виновато: – Вообще-то в Седьмую городскую...

– Куда? – Катерина подпрыгнула. – В Седьмую? Это в ту, что на улице Прапорщика Лампасова? Да вы знаете, как ее называют? Седьмая истребительная! Нет, в эту больницу я своего мужа не отдам! Только через мой труп!

– Не волнуйтесь так, голубушка, – забеспокоился док-

тор. – Седьмая больница действительно, как бы это сказать, не очень... Но там тоже есть платное отделение, так называемый мини-госпиталь, и в этом отделении вполне сносные условия. Если можете, оплатите пребывание мужа в этом госпитале, и все будет в порядке.

Катерина немного успокоилась.

Вскоре в квартире появилась парочка веселых санитаров. Играючи они уложили невесомого профессора на носилки и понесли вниз по лестнице. Катя бежала рядом с носилками, то поправляя одеяло, то вытирая лоб мужа чистой салфеткой.

Через полчаса машина въехала на территорию Седьмой городской больницы. Профессора переложили с носилок на больничную каталку и подняли на лифте на шестой этаж.

Катя по-прежнему шла рядом с мужем и испуганно оглядывалась.

Больница производила удручающее впечатление.

Пол покрыт линолеумом противоестественного светло-коричневого цвета, стены лет тридцать назад выкрашены темно-зеленой масляной краской, облезлой и вспученной. Но самое печальное зрелище являли ходячие больные. Облаченные в больничные халаты с черными штампами на самых заметных местах, с перевязанными головами и пятнами зеленки, они бродили по коридорам поодиночке и небольшими группами.

– Это какое отделение? – испуганно спросила Катя у са-

нитара.

– Травматология, – жизнерадостно отозвался тот. – Кого на улице подбирают, тех сюда и везут. Кого побили по пьяни, кто сам упал... Неопознанные, так сказать, летающие объекты!

Санитар свернул за угол и остановился перед аккуратной стеклянной дверью с табличкой «Мини-госпиталь».

Стоило этой двери открыться, как Катерина поняла, что попала не только в другой мир, но и в другое время.

Если в коридоре травматологического отделения было очевидно, что на дворе середина двадцатого века, здесь, в мини-госпитале, становилось ясно, что двадцать первый век уже наступил.

Пол выложен аккуратной бежевой плиткой. Стены выкрашены в приятный абрикосовый цвет. Современные светильники распространяют теплое сияние. По коридору снуют хорошенькие медсестры в белоснежных халатах и серьезные врачи в светло-зеленой униформе.

Одна из медсестер подошла к носилкам, сверилась с какими-то записями и кивнула на дверь слева по коридору.

За этой дверью располагался как бы небольшой гостиничный номер на двоих – у каждого отдельная, вполне комфортабельная комната плюс общее помещение с небольшой уютной кухней, где имелись новенький шведский холодильник и микроволновка, и чистой, замечательно оборудованной ванной.

Одна из комнат была уже занята. Дверь оказалась приоткрыта, и Катя увидела крупного мрачного мужчину, откинувшегося на высокие подушки. Во второй комнате разместили полусонного профессора.

Появилась улыбчивая сестричка и принялась уверять, что Катин муж будет здесь под постоянным присмотром и быстро поправится. Еще она дала понять, что сейчас начнется врачебный осмотр и присутствие в палате посторонних нежелательно.

– А мобильный вы заберите. – Она заметила, как Катя то-ропливо положила его в тумбочку, как будто боялась перед уходом не сделать самое важное. – У нас аппаратура сложная, мобильниками пользоваться нельзя: они создают помехи.

– А как же я с мужем буду связываться? – нахмурилась Катя.

– Так он скоро встанет и с поста сможет позвонить. А вы завтра приходите его проведать.

– А это что на табличке написано? – Катя никак не могла покинуть палату и выдумывала очередной предлог, чтобы задержаться.

Действительно, на спинке кровати висела табличка «Василий Иванович Филимонов. Простатит».

– Не беспокойтесь, – лучезарно улыбнулась медсестра, – это от прежнего больного осталось. Сегодня в этой палате оба пациента сменились, и мы еще не успели поменять...

Катя в последний раз заботливо осмотрела мужа и покинула больницу.

Персонал мини-госпиталя под строгим присмотром старшей медсестры Варвары Францевны безупречно выполнял свои обязанности. Профессору Кряквину сделали несколько уколов и поставили капельницу. К вечеру он почувствовал себя гораздо лучше и даже перешел на русский язык.

– Представляете, – говорил он молоденькой сестричке Дашеньке, которая принесла ему ужин, – мне почему-то казалось, что я в Центральной Африке, поэтому я выбрал известный здесь всем язык суахили.

Дашенька сочувственно кивала.

Профессор с аппетитом поужинал и задремал: в состав его лекарств входило легкое снотворное.

В палату между тем заглянула Варвара Францевна. Окинула помещение глазом опытного полковника и строго проговорила:

– Непорядок! На кроватях таблички от прежних больных! Немедленно заменить!

– Сию минуту, Варвара Францевна! – пискнула Дашенька и спешно повесила новые таблички. Она была взволнована и напугана (Варвара Францевна действовала на нее примерно так, как голодный удав действует на несовершеннолетнего кролика), так что ничего удивительного, что таблички оказались перепутаны. На кровати Валентина Петровича с лег-

кой Дашенькиной руки теперь красовалась табличка «Станислав Николаевич Хоботов», а на кровати его соседа значилось «Валентин Петрович Кряквин».

Двое мужчин сидели в небольшом кафе напротив Катиного дома. Катерина туда не ходила: выпечка там всегда была плохого качества, пирожные – сомнительной свежести, кофе – только растворимый, потому как кофейный автомат давно сломался. В основном туда заходили мужчины, чтобы выпить пива или чего покрепче и закусить бутербродами с твердокопченой колбасой, похожей по вкусу и даже внешне на подметки от ботинок.

На столике стояли два почти полных стакана с пивом и валялась пачка чипсов. Один из этих двоих был толстый, наголо бритый. Он беспрерывно потел и вытирал затылок в тройных складках жира несвежим носовым платком. Второй мужчина, маленького роста, был до того щуплым, что со спины казался мальчиком. Правда, стоило ему повернуться лицом, как впечатление менялось. Лицо это было в ранних морщинах, с сероватой несвежей кожей. Маленькие глазки все время норовили уйти в сторону. Сомневаться не приходилось: типчик этот – совершенно несерьезный, пустой человек, «шестерка» при более солидном товарище.

– Ах ты ж ёшь твою клёш! – Толстый зажал в могучей лапе стакан с пивом и шумно вылакал половину. – Нет, вот что за день сегодня такой невезучий!

– Да уж, – тихо поддакнул щуплый, – неудачный денек.

– Как же это вышло-то? – Толстый снова присосался к стакану. – Как мы так вляпались? И главное – что теперь делать? Холодильник с нас три шкуры сдерет.

– Методы его известны, – не стал спорить щуплый, – а все ты... С какого перепугу ты нож достал?

– Так он же на нас пушку наставил, – востроенулся толстый. – Забыл?

– Не ори, – прошипел щуплый и так зыркнул, что стало ясно: вовсе он не «шестерка» при толстом, именно он и есть главный в этом тандеме. – Не ори, вон девка за стойкой уже оглядывается. Ты что, хочешь, чтобы она нас вспомнила, когда того найдут?

Затылок толстого стал малиновым и снова покрылся испариной.

– Чего мы здесь торчим? Уходить надо, – просипел он. – Ты куда нож дел?

– Туда же, куда и пушку его – в мусоровоз закинул. – Щуплый был невозмутим. – Сейчас, наверное, все уже на свалке – расслабься. Надо искать, что этот паразит нес и куда успел спрятать, раз у него мы ничего не нашли.

– Чтоб ему на том свете... – Толстый схватил стакан приятеля, потому что его собственный уже опустел.

– Кончай пивом наливать, – прошипел щуплый зло, – скоро ни в одну дверь не пролезешь.

– Да пошел ты!.. – Толстый вырвал руку.

– Вот скажу Холодильнику, что это ты его упустил.

– Это теперь без разницы, – ухмыльнулся толстый. – Холодильник разбираться не станет, обоих по стенке размажет.

– Ладно, – в голове у щуплого, видно, созрел план, – надо дело кончать. Значит, он вошел в подъезд, так? Поднялся по лестнице, позвонил в квартиру где-то наверху и вошел. Ему сразу открыли, значит, кто-то у него там был знакомый. Или просто по дурусти впустили? В квартире он пробыл недолго и вышел через черный ход.

– Да мы даже не знаем, какая квартира! – Толстый снова потянулся к чужому пиву, но под взглядом щуплого отдернул руку. – Что, по этажам, что ли, бегать?

– То ли на пятом, то ли на шестом, – размышлял щуплый, – а там всего по две квартиры на площадке. Нам нужна которая справа. Идем, кому говорю! На месте определимся, что сбрешем.

Толстый заворчал недовольно, но подчинился.

После звонка Кати Ирина пыталась работать, но сосредоточиться не получалось. Как там больной профессор? Все-таки Катька ужасно бестолковая и легкомысленная. Это же надо – довести родного мужа до такой температуры. Сорок и две!

Все дело в нем, в Катькином муже – так казалось Ирине. Профессор – скромный и деликатный человек. Такой человек, заболевая, просто обязан отличаться от других мужчин.

Она вспомнила, как в свое время обстояло дело с ее мужем. Стоило температуре подняться до тридцати семи, как

он немедленно укладывался в постель и требовал повышенного внимания, чаю с лимоном, варенья и апельсинов. Вдобавок он закатывал глаза, каждые полчаса мерил температуру, жаловался на ломоту в спине и боли в суставах, но особенно на то, что его никто не любит. Аппетит, надо сказать, во время болезни был у него отменный, так что нужно было обеспечить ему полноценное и калорийное четырехразовое питание. А еще свекровь появлялась по его звонку с похоронным лицом, сновала по дому, поджимала губы и отчитывала Ирину, что плохо следит за ее сыночком.

Когда температура приходила в норму, муж вставал с постели, преодолевая, по его словам, сильнейшую слабость, бродил по дому, демонстративно держась за стенки, и разбрасывал повсюду использованные носовые платки. А еще он бесконечно говорил по телефону с мамой, в результате чего вся семья подхватывала заразу. Теперь уже Ирине приходилось сидеть на больничном с детьми. О собственном самочувствии в суматохе она как-то успевала забыть.

По молодости она пыталась возмущаться, но потом поняла, что так себя ведут все мужья.

Профессор Кряквин, скорее всего, был тем самым редким исключением, которое, как известно, только подтверждает правило. Но все же Катерина перегнула палку. Нужно было бить тревогу намного раньше.

Ирина отбросила попытки сосредоточиться на завязке очередного романа и взялась за телефонную трубку. У Кате-

рины было занято. Это хорошо, значит, пытается дозвониться до неотложки. Однако когда занято оказалось и в седьмой раз, Ирина поняла, что ее рассеянная подруга просто забыла положить телефонную трубку на рычаг.

Без особой надежды на успех Ирина взялась за мобильник. У Катьки с мобильным телефоном отношения складывались непросто. Она вечно забывала поставить его на зарядку. Если же он был заряжен, тогда его отключали за исчерпанный лимит. Как известно, вещи относятся к людям так же, как люди к вещам, и телефон платил Кате откровенным пренебрежением. Он мог отключиться посреди разговора ни с того ни с сего. Мог затеряться в квартире, когда нужно было срочно позвонить. Оказывался на самом дне сумки и звонил оттуда обиженно в самый неподходящий момент, так что Кате приходилось срочно выбрасывать вещи чуть ли не на тротуар, чтобы до него добраться.

Сейчас, слушая унылые гудки, Ирина предположила, что Катя вызвала неотложку, мужа повезли в больницу, что неудивительно при такой высокой температуре, а сама она в суматохе оставила мобильник дома. Ирина представила, в каком Катька состоянии, ведь до нее наверняка дошло, что муж может запросто сыграть в ящик (тьфу-тьфу, чтобы не сглазить). В больнице ей настроение точно не поднимут. Хорошо, если больному помогут, а здоровых утешать у них времени нет.

Ирина поизводилась некоторое время, позвонила Жанне,

но там секретарь ответила, что Жанна Георгиевна очень занята и перезвонит позже. И вот когда Ирина уже дошла до ручки, Катька соизволила наконец объявиться.

– Ирка, я вышла из больницы. Это такой ужас, бедный Валек едва не умер!

Сейчас, когда самое страшное было позади, Катерина решила, что может порыдать со вкусом.

– Не паникуй! – бросила Ирина в трубку. – Езжай домой на маршрутке, машину не бери. Сумку держи крепко и никуда по дороге не заходи. Я приеду.

С Катькой всегда так, она совершенно не умеет справляться с трудностями. Будет сидеть и рыдать весь вечер, как будто от этого ее ненаглядному профессору может полегчать.

Возле метро Ирина заскочила в магазин и купила килограмм апельсинов и большой красивый ананас. Потом подумала, что ананасом Катькиному горю не поможешь. Ее упитанная подруга умеет снимать стресс единственным проверенным способом. Да-да, именно едой. Преимущественно сладкой. Годятся пирожные, торты, сдобное печенье, шоколадные конфеты с ромовой начинкой, пряники с вареньем, мороженое с сиропом и тертым шоколадом. На худой конец подойдут марципаны, цукаты и козинаки.

Иринин рассудок горячо протестовал против такого способа борьбы со стрессом, однако, увы, это был единственный верный способ успокоить Катьку. Вздохнув, Ирина подошла к прилавку, где были выставлены торты.

– Что вы, дама, сомневаетесь? – Продавщица заметила, как Ирина неуверенно поглядывает на ее товар уже добрых минут десять. – Все торты свежие, утром привезли.

– А какой из них наименее калорийный?

Ирина тут же осеклась под презрительным взглядом продавщицы, мысленно махнула рукой и купила самый красивый торт – с вишнями и половинками грецких орехов.

В дверь генеральши Недужной позвонили.

Бывшая генеральша ожидала гостей. Точнее, не гостей, а посетителей. Еще точнее, она ожидала представительную комиссию из жилконторы, которой намеревалась предъявить огромное пятно на потолке собственной спальни. Формой пятно напоминало карту суверенного Казахстана.

Карту Казахстана генеральша представляла себе довольно отчетливо, поскольку в свое время с покойным мужем, генералом Недужным, провела больше пяти лет в тамошнем отдаленном гарнизоне.

Правда, Казахстан не был тогда суверенным государством, а был одной из пятнадцати союзных республик, а Недужный был еще не генералом, а всего только подполковником.

Если бы квартира генеральши была не на последнем этаже, ремонт бы давно уже сделали. А скорее всего, он бы и не понадобился: запуганные соседи следили бы за своей сантехникой днем и ночью, чтобы, не дай бог, на голову генеральше

ничего не протекло. Однако по иронии судьбы над ее квартирой была только крыша, которая генеральшу ни капельки не боялась и упорно протекала при каждом сильном дожде. Теперь мадам Недужная намеревалась устроить показательный скандал и выбить из жилконторы внеплановый ремонт.

Для обычного человека это задача совершенно невыполнимая, но генеральша Недужная не была обычным человеком. Как говорили некоторые жильцы дома (только шепотом и закрывшись на все замки), она была помесью бультерьера, тяжелого танка и Арнольда Шварценеггера в роли Терминатора.

Так что ремонт, можно сказать, был делом решенным.

Итак, услышав звонок, генеральша ни на минуту не усомнилась, что к ней явилась комиссия, и без лишних вопросов открыла дверь.

Однако вместо ожидаемых представителей жилконторы она увидела двоих весьма подозрительных типов.

Один был еще ничего – толстый, наголо бритый, почти без шеи. Он даже напоминал начальника жилконторы Акопа Вардановича. Правда, только отсутствием шеи.

Но зато второй не лез ни в какие ворота.

Маленький и тощий, как подросток, с нездоровым серым лицом, покрытым ранними морщинами, с бегающими злобными глазками, этот тип был похож на крысу. Старую, опытную и очень опасную крысу.

– Горэнерго! – рывкнул толстяк, вытирая потный затылок

несвежим носовым платком.

– Что? – с любезностью кобры переспросила генеральша.

– Мамаша, тебе ясно сказали: Горэнерго! – поддержал напарника щуплый. – Показания этого... счетчика списать надо. Где у вас, мамаша, счетчик?

С этими словами щуплый попытался просочиться в квартиру.

Но генеральша Недужная была не из таких.

Она побагровела, надулась, как дирижабль, стала даже заметно выше ростом и пошла в атаку на незваных гостей:

– Какое еще Горэнерго? Из Горэнерго только на той неделе приходили и все что надо списали! И насчет счетчика они не спрашивают, потому как все знают. Документы ваши где?

Толстяк попытался что-то сказать, но генеральша не дала ему такой возможности.

– Что-то мне ваши лица знакомы! – орала она, тесня подозрительную парочку вон из квартиры. – Где-то я вас видела! Уж не на стенде ли «Их разыскивает полиция»?

– Честное слово, мамаша, вы ошибаетесь. – Тощий тип пытался обороняться. – Щас мы вам документы предъявим...

– Да не надо мне твоих документов! – Генеральша набирала обороты. – У тебя на лице все написано! Я вас сию минуту лично арестую и сдам в отделение, а там пускай разбираются!

По всему чувствовалось, что это не пустая угроза, тем бо-

лее что генеральша успела вооружиться зонтиком покойного генерала, который для подобных случаев держала рядом с дверью. Зонтик был длинный, тяжелый, в мощных руках генеральши он представлял серьезную опасность.

Подозрительные гости вылетели из квартиры и скатились по лестнице на один этаж. Только здесь они перевели дыхание и переглянулись.

– Ты чего это деру дал? – окрысился тощий.

– А ты чего, не дал? – обиделся толстый.

– Я только за тобой. Когда ты побежал, тогда и я присоединился, чтобы не разделяться... А ты хорош – старухи испугался!

– Это такая старуха!.. – выразительно протянул толстяк. – Не простая старуха, сам видишь. Ее не то что мы с тобой, ее, может, сам Холодильник испугался бы...

– Ладно, – дернул носом тощий. – Мы, это, никому рассказывать не будем, как с этой бабкой прокололись...

– Ясен пень, – поддержал его напарник.

– Тот тип явно не к ней зашел. Эта бабка его дальше порога бы не пустила.

– Ясен пень, – согласился толстяк, явно позабывший после общения с генеральшей многие слова.

– Так что будем считать установленным фактом: наш клиент зашел в квартиру на пятом этаже. Вот в эту самую!

Тощий тип решительно шагнул к двери Катиной квартиры.

Услышав звонок, Катерина в первую минуту вообразила, что приехали из больницы, чтобы сообщить ей что-то ужасное о муже. Ноги у нее отнялись, а сама она застыла на месте и схватилась за сердце.

Правда, в следующую минуту до нее дошло, что это маловероятно. Из больницы никто так просто не придет, в крайнем случае ей просто позвонили бы, а там, за дверью, наверняка не кто иной как Ирка Снегирева, которая обещала приехать для моральной поддержки.

Катя вздохнула, потрясла головой и бросилась к двери.

– Сейчас, Ирка, одну секунду! Я уже открываю!

Однако на пороге оказалась вовсе не Ирина. Там стояли двое странных мужчин, слегка напоминающих пару клоунов – толстый и тощий, большой и маленький. Только в отличие от цирковых клоунов эти двое не вызывали улыбку, а скорее пугали.

– Здравствуйте. – Катерина с удивлением разглядывала незнакомцев. – А вы к кому?

– К вам, – ответил тощий тип с нездоровым морщинистым лицом. Сейчас он попытался изобразить на этом лице дружелюбную улыбку, но улыбка явно не получалась – выходил больше волчий оскал.

– Горгаз, – выпалил толстяк и немедленно вытащил из кармана большой несвежий платок, чтобы вытереть лоснящуюся шею. – То есть Горэнерго, – поправился он и стыдли-

во спрятал платок обратно.

– Ничего не понимаю. – Катерина переводила взгляд с одного на другого. – Так Горгаз или Горэнерго?

– А у нас такая работа, – зачастил тощий, неприятно шмыгая носом и тесня Катерину от двери, – мы и от Горгаза ходим, и от Горэнерго. А иногда даже от санэпидемнадзора... К вам вчера товарищ наш не заходил – плотный такой, волосы курчавые?

– Товарищ? – захлопала ресницами Катя. – Какой товарищ? Извините, я все-таки не понимаю.

– И не надо, – задушевно пропел тощий и почти просочился в квартиру, – мы вам сейчас все объясним и документы покажем... Только что же это мы на площадке разговариваем? Давайте зайдем к вам, посидим. Может, вы нам чаю нальете или хотя бы водички?..

– Без газа, – вставил толстяк.

– У меня нет без газа, – неуверенно протянула Катя, понемногу отступая перед незнакомцами. – С газом тоже нет. А чаю могу вам налить...

– Очень хорошо, – тощий не переставал сверлить Катю глазами, – чай даже лучше. Чай – это очень полезно!..

Вдруг за спиной у незнакомцев прогремело:

– Руки вверх! Полиция! Вы окружены!

Толстяк испуганно ойкнул и стрелой помчался к лестнице. Тощий напарник припустил следом.

Катерина захлопала глазами.

Никакой полиции на площадке не было, зато была ее лучшая подруга Ирина Снегирева.

Ирина втолкнула ее в квартиру и заперла дверь на все замки.

– Зачем ты закрываешь, – пролепетала Катя, – там же полиция?..

– Какая полиция? – возмутилась Ирина. – Это я их хотела напугать! Слава богу, сработало! Катька, что ты вытворяешь? Зачем ты открываешь дверь кому ни попадя? Вот скажи, зачем ты чуть не впустила в квартиру этих типов?

– Так я думала, что это ты, – принялась оправдываться Катерина, – а оказалось, что это из Горгаза... То есть из Горэнерго. В смысле, из санэпидемнадзора.

– Какой Горгаз! – Ирина от возмущения села на тумбочку. – Катька, когда ты наконец поумнееешь? Ведь это были самые настоящие уголовники. Еще минута – и они бы тебя ограбили, а может, даже убили.

– Почему ты так думаешь? – заупрямилась Катерина. – Вдруг они действительно из Горгаза?

– Ага, или из дурдома – за тобой приехали. Ты видела, как они ломанулись, как только услышали слово «полиция»? Говорят тебе: это были уголовники.

– Наверное, ты права, – пригорюнилась Катя. – Спасибо, Ирка, как ты вовремя появилась...

– Горбатого могила исправит, – хмыкнула в ответ Ирина. – Вечно с тобой какие-то проблемы!..

Профессор Кряквин проснулся среди ночи.

В мини-госпитале все было тихо, только где-то далеко время от времени урчал одинокий холодильник.

Но у Валентина Петровича была уверенность, что проснулся он не просто так, а от какого-то звука.

Он лежал на спине, вслушиваясь в тишину, и вдруг тот самый звук повторился.

Это был стон. Едва слышный, с трудом сдерживаемый мучительный стон. Так стонет сильный человек, который не хочет никому демонстрировать свою слабость.

Валентин Петрович прислушался.

Вот стон повторился. Теперь стало ясно, что он доносится из ближайшей комнаты, оттуда, где лежит его сосед.

Профессор Кряквин был человеком добрым и отзывчивым. Забыв о собственном недуге, он спустил ноги с кровати и поднялся.

Голова кружилась, стены слегка накренились, но в целом он чувствовал себя не в пример лучше, чем накануне. Покачиваясь и держась за стену, Валентин Петрович прошел несколько метров и заглянул в приоткрытую дверь соседней комнаты.

Сосед, крупный мужчина с широкими плечами и низким покатым лбом, полулежал на кровати и сжимал голову руками. По бледному лицу струился пот.

– Что с вами, коллега? – тихо спросил профессор. – Я могу

вам чем-нибудь помочь?

– Слышь, мужик, уйди! – простонал сосед. – Ты мне этим очень поможешь.

– Но, может быть, все-таки позвать сестричку? Она даст какое-то лекарство...

– Лекарство? – с трудом выговорил сосед. – Да не помогают мне никакие на фиг лекарства! Разве что пуля в лоб!

– Да что вы, коллега! – ужаснулся Валентин Петрович. – Не бывает безвыходных положений. Выход всегда найдется.

– Слушай, мужик, чего ты ко мне пристал? Еще и калекой обзывает...

– Не калекой, а коллегой! Мы же с вами товарищи по несчастью, в одной больнице лежим.

– То-то и оно, что лежим... – Лицо соседа снова перекопилось от боли.

– Что, так сильно болит голова? – посочувствовал профессор.

– Она, зараза, – вздохнул сосед. – Стыдно признаться: мигрень, самая бабская болезнь пристала!.. Ты смотри, мужик, если кому скажешь... Это ж вдруг кто узнает, что Слон мигренью мучается, – никакого ко мне уважения не будет!

– Слон? – удивился Валентин Петрович. – При чем здесь слон? Разве у слонов бывает мигрень?

– То-то и оно, что бывает. Слон – это погоняло мое. Кликуха то есть, что непонятного? Мигрени у авторитетного человека быть никак не положено. А у меня вот есть...

– Постоите, многоуважаемый слон, – оживился профессор. – Кажется, я могу вам помочь. Верховный колдун племени козюмбра подарил мне замечательное лекарство, буквально от всех болезней. Там яд змеи пуф-пуф, печень черного козла...

– За козла ответишь, – машинально вставил Слон.

– Правда, мне самому это лекарство не помогло, – бормотал профессор, расстегивая пижаму, – но это, наверное, потому, что в Африке простудные заболевания не очень распространены...

Валентин Петрович вытащил из-за пазухи керамическую бутылочку, которая висела у него на шее, как медальон. Взял с тумбочки соседа стакан, плеснул воды и насыпал щепотку подозрительного зеленого порошка.

– Непременно должно помочь. Змеиный яд, цветки колуhanции прекраснoлистной...

Размешав порошок в воде, Валентин Петрович протянул стакан соседу:

– Выпейте, сразу станет легче!

– Дерьмо какое-то. – Сосед с опаской покосился на стакан. – Слышь, мужик, а я не отравлюсь?

– Нет, – успокоил его профессор. – Я сколько раз его принимал – и хоть бы что!

– Ты так считаешь? – Слон оглядел Валентина Петровича с ног до головы. – Нет уж, обойдусь.

– Как знаете, – с сожалением проговорил Валентин Пет-

рович, – я хотел как лучше...

Вдруг лицо соседа перекопилось от боли. Он схватился за голову и застонал.

– Ладно, – выдохнул он через секунду, – давай свою отраву. Если и помру, хуже все равно не будет.

Валентин Петрович поднес стакан с африканским снадобьем к губам страдальца. Тот с опаской втянул губами подзрительную жидкость и стал напряженно прислушиваться к себе.

– И правда легче, – не до конца еще веря, проговорил он через минуту. – Ну-ка давай сюда...

Он в два глотка допил то, что оставалось в стакане, и вытянулся на кровати. Лицо страдальца порозовело, исчезло выражение непереносимой муки. Поначалу на нем все еще было написано некоторое недоверие, но вот постепенно оно осветилось улыбкой. Улыбка была непривычным украшением для этого заскорузлого лица, и оно, это лицо, чуть не треснуло. Это было похоже на то, как если бы вдруг улыбнулся трехсотлетний дуб.

– Слышь, мужик! – В голосе Слона слышалось самое настоящее счастье. – В натуре, легче стало! Тебя как зовут-то?

– Валентином, – смущенно ответил профессор.

– Валек, спасибо тебе! – Теперь лицо Слона просто светило. – Ты это, имей в виду: если что – ко мне обращайся. Я тебе это, все что угодно. И если тебя кто обидит – ты мне только намекни. Я это, порву гада!

– Очень рад, что вам помогло. – Валентин Петрович попятился к двери.

Сосед уже заснул. Грозное лицо разгладилось, и на нем заиграла блаженная улыбка. Должно быть, воинственному Слону снилось что-то чрезвычайно приятное.

Самый мрачный, самый тяжелый час ночи – с трех до четырех. В этот час умирает больше всего людей и совершается больше всего преступлений. С трех до четырех снятся самые страшные, гнетущие сны. В это время особенно тяжело приходится тем, кто по роду службы вынужден бодрствовать, – дежурным, сторожам, охранникам, врачам «Скорой помощи».

Охраннику, дежурившему этой ночью в холле мини-госпиталя, тоже приходилось нелегко. Он пил чашку за чашкой растворимый кофе, но все равно клевал носом.

В госпитале царила гнетущая тишина.

Откуда-то издалека, из южного крыла больницы, где находился приемный покой, изредка доносились звуки, но здесь, в палатах для состоятельных пациентов, все спали. Все, кроме охранника. Даже дежурный врач задремал на кушетке в ординаторской.

Откуда-то с улицы послышался звук подъехавшей машины – должно быть, «Скорая» привезла очередного страдальца.

Хлопнула дверь, и снова все затихло.

Вдруг где-то совсем близко раздался негромкий скрип – как будто кто-то осторожно пытался открыть дверь.

Охранник протер глаза, встряхнулся и встал.

Не то чтобы он всерьез забеспокоился, нет. Просто решил немного подвигаться, чтобы отогнать сон.

Он подошел к двери, отделяющей мини-госпиталь, этот маленький оазис будущего, от огромного сонного царства больницы, и уставился на дверную ручку.

Ручка медленно поворачивалась.

Это напоминало кадр из фильма ужасов, которые охранник очень любил смотреть в свободное время.

Но фильм – это фильм, а жизнь – это жизнь, и одно с другим, как известно, никогда не пересекается. Охранник по-прежнему нисколько не взволновался. Он вполне резонно предположил, что кто-то из санитаров или молодых ординаторов направляется в гости к молоденькой сестричке Вике, которая дежурила этой ночью.

Охранник решил напугать донжуана и встал рядом с дверью, придав лицу грозное выражение.

Замок тихонько щелкнул, и дверь стала медленно открываться.

Однако вместо мужского лица в проеме показалось свеженькое личико симпатичной блондинки, а затем и вся она – небольшого роста, в коротком кокетливом халатике.

«Ясно, – с завистью подумал охранник, – к дежурному врачу, Виталию Сергеевичу, подружка пробирается. Во му-

жик дает, а с виду такой тихоня!»

Сестричка увидела охранника и удивленно захлопала ресницами. Потом прижала к губам пальчик, мол, не поднимай шум, и расстегнула верхнюю пуговку халатика. Охранник расплылся в улыбке и засмотрелся на открывшуюся ему картину.

Однако долго любоваться этим зрелищем ему не пришлось: странная девица резко выдохнула, выбросила вперед руку и нанесла ему резкий удар чуть ниже уха.

Охранник удивленно охнул, закатил глаза и медленно сполз по недавно окрашенной стене.

Блондинка для верности пнула его носком туфельки, после чего распахнула дверь и сделала приглашающий знак.

В холл мини-госпиталя проскользнули трое мужчин в облегающих черных комбинезонах и черных трикотажных масках с прорезями для глаз.

Блондинка в кокетливом халатике явно была здесь старшей. Не говоря ни слова, она сверилась с планом и показала рукой на дверь, за которой мирно спали профессор Кряквин и его новообретенный друг Слон.

Трое в черном действовали слаженно, как артисты хорошо отрепетированного балета. Один из них распахнул дверь палаты и замер на страже, двое других влетели внутрь. Сначала они проскользнули в левую комнату. В руке одного из бойцов вспыхнул маленький фонарик и осветил табличку, прикрепленную в ногах кровати.

На табличке было написано: «Валентин Петрович Кряквин. Пневмония».

Фонарик погас, и напарники бесшумно перебазировались в соседнюю комнату. Снова вспыхнул свет. На этот раз табличка гласила: «Станислав Николаевич Хоботов. Ишемическая болезнь».

– Слон, – удовлетворенно прошептал один из злоумышленников.

Второй прижал палец к губам.

Люди в черном подошли вплотную к кровати. Один из них молниеносным движением заклеил рот спящего широкой клейкой лентой и тут же обхватил его поперек туловища. Вторым крепко схватил жертву за ноги.

На голову больному люди надели мешок из плотной ткани, после чего его подняли с кровати и вынесли в коридор.

– Какой же он Слон, – прошептал один из бойцов, легко скинув тело на плечо. – Козел он, а не Слон – легкий какой!

Напарник снова прижал палец к губам.

Третий похититель, карауливший у дверей палаты, быстро перехватил извивающееся тело толстой веревкой, как перевязывают палку колбасы, и пошел впереди. Блондинка в коротком халатике теперь замыкала шествие. Перед тем как покинуть мини-госпиталь, она основательно пнула ногой бесчувственного охранника, затем еще раз осмотрелась и только после этого закрыла дверь.

Профессору Кряквину по обыкновению снилась Африка.

Во сне он участвовал в традиционном празднике племени козюмбра. Почетным членом этого племени Валентин Петрович состоял уже несколько лет.

Такие праздники соплеменники профессора устраивали после удачной охоты, по случаю прибытия гостей, в честь завершения строительства новой хижины из пальмовых листьев, по поводу победы любимой футбольной команды, свадьбы или развода одного из членов племени, во славу вовремя прошедшего дождя или просто без всякого повода.

Традиционный праздник начинался с боя барабанов, который созывал все племя на главную площадь деревни. Рассаживались вокруг огромного костра и следили, как над костром поджаривается на вертеле баран или поросенок. Чтобы наблюдать за процессом было интереснее, участники праздника пили молодое пальмовое вино и пели народные песни. Пока баран или поросенок жарились, хозяевам и гостям случалось выпить по два-три бочонка пальмового вина.

Вот и на этот раз под ритмичный барабанный бой члены племени расселись вокруг костра и пустили по кругу флягу, выдолбленную из тыквы.

Валентин Петрович занял положенное ему почетное место, протянул руку за флягой и вдруг понял, что что-то не так.

На вертеле над костром не было никакого жаркого.

Ни барана, ни поросенка, ни антилопы, ни дикой козы.

– Как же так? – с удивлением обернулся профессор к ближайшему соседу. – Где поросенок?

– Вот, – коротко ответил тот и указал толстым черным пальцем на самого Валентина Петровича.

– Не понял, – протянул профессор.

К Валентину Петровичу уже подскочили двое рослых африканцев. Они обхватили профессора поперек туловища, натянули ему на голову мешок и легко подняли над землей.

– Что вы делаете? – закричал профессор, пытаясь вырваться. – Сейчас же отпустите меня! Я протестую!

Но его не слушали и куда-то несли.

Профессор даже догадывался куда.

Его несли к огромному костру. Жар этого костра уже отчетливо ощущался сквозь натянутый на голову мешок.

– Сейчас же отпустите! – кричал Валентин Петрович и изо всех сил дрыгал ногами. – Я доктор наук! Я профессор! Я член ученого совета кафедры сравнительной антропологии! Я лауреат международной премии имени капитана Кука! Меня нельзя есть в соответствии с четвертым параграфом Женевской конвенции! Я почетный член вашего племени! В конце концов, я старый и невкусный!..

Но все его слова не производили на сотрапезников никакого впечатления.

Барабаны забили с удвоенной силой, и члены племени козюмбра, предчувствуя богатое угощение, затащили самую унылую из своих народных песен.

От этой песни Валентин Петрович проснулся.

В первый момент ему показалось, что ровным счетом ничего не изменилось. Его куда-то несут, он обмотан веревками, как праздничный поросенок, и на голове у него мешок. Правда, теперь ему было не так жарко, как во сне. Скорее даже холодно.

– Я почетный член вашего племени! – закричал несчастный профессор.

Точнее, только хотел закричать.

Здесь, наяву, его рот оказался заклеен широким куском клейкой ленты, поэтому вместо крика у профессора получилось нечленораздельное мычание.

– Заткнись, Слон! – прикрикнул грубый голос, и жесткий кулак бесцеремонно ткнул профессора в бок.

– Слон? – хотелось возмутиться Валентину Петровичу. – Вы ошиблись! Я не тот, кто вам нужен!

Но и эти слова превратились в мычание. Похитители еще раз ударили профессора чем-то твердым и прибавили шагу.

Они миновали длинный коридор, затем остановились. Понималось негромкое ровное гудение, и Валентин Петрович понял, что его везут в лифте.

Они уже снова куда-то шли, только не так долго.

Теперь профессору стало еще холоднее. Вероятно, его вынесли на улицу. Что-то хлопнуло, скрипнуло, и связанную жертву бросили на твердую поверхность. Раздался металлический лязг, и Валентин Петрович скорее догадался, чем по-

чувствовал, что над ним захлопнулась металлическая крышка.

Судя по всему, крышка багажника автомобиля.

Совсем скоро его догадка подтвердилась. Послышалось ровное гудение мотора, и они куда-то двинулись.

Профессору было холодно, жестко и страшно.

При каждом резком повороте он перекатывался по дну багажника и ударялся о его стенки.

К счастью, ехали недолго. Машина остановилась, и Валентин Петрович вздохнул с облегчением. Правда, он тут же понял, что это преждевременная радость: они всего лишь доехали до ворот больницы.

Снаружи донеслись приглушенные голоса:

– Что, снова вызов? Еще одного убогого привезете?

Мелодичный женский голос что-то ответил, но профессор не разобрал слов. Конец сказанного потонул в раскатах хохота.

Мотор снова заурчал, и опять начались его мучения. Профессор перекатывался по дну багажника, то и дело ударяясь о какие-то жесткие предметы. Скоро все его тело превратилось в сплошной синяк. Вдобавок ему становилось все холоднее. Больничная пижама нисколько не грела, а металлический багажник был до того холодным, как будто машина всю предыдущую неделю колесила по Арктике.

Профессор уже пожалел, что он не во сне, там, по крайней мере, его мучения закончились бы намного быстрее. Там его

просто давно съели бы соплеменники. И потом, там ему не было бы так холодно.

Машина снова затормозила, и профессор в очередной раз ударился о какой-то металлический выступ. На этот раз мучительное путешествие, кажется, завершилось.

Татьяна Петровна привычно вздохнула и захлопнула за собой дверь хозяйской квартиры.

– Идем уже, несчастье мое! – сказала она белому американскому бульдогу.

Тот жизнерадостно завертел обрубок хвоста и устремился вниз по лестнице. Татьяна Петровна ловко зацепила поводок за перила и нажала кнопку лифта.

– С тобой шею свернешь! Силушки-то немеряно!

Лифт в старом доме был маленький и неудобный, бульдог едва в нем помещался. Снизу раздавались голоса, среди которых Татьяна Петровна без труда различила ненавистный бас генеральши Недужной. Бывшая генеральша всегда оказывалась в центре событий, ей до всего было дело, она привыкла управлять двором, как раньше управляла дивизией покойного генерала. Во всяком случае, ее подчиненные мужа боялись намного больше, чем самого командира дивизии.

Надо отдать должное генеральше: во дворе был порядок, как на плацу. Дворничиха Зинаида мела дорожки по три раза в день. На детской площадке стоящие в ряд песочницы бы-

ли заполнены песком ровно на две трети, а лавочки выкрашены в защитный цвет, столь близкий сердцу бывшей генеральши. С нарушителями порядка и чистоты Недужная вела беспощадную войну. Она клеймила их позором, громогласно перечисляя провинившихся. Она периодически жаловалась в домоуправление (там ее тоже боялись не меньше, чем комиссий из вышестоящей организации). Наконец, она вывешивала на стене «молнии», где под броским заголовком «Они позорят наш двор!» помещала список жильцов, имевших несчастье попасться ей на глаза в момент совершения неблагоприятного поступка.

К неблагоприятным поступкам генеральша относила непопадание оберткой от мороженого в урну, а также детские рисунки мелом на асфальте, невинное забивание «козла» и выгул собак. Увидев собаку, опрометчиво спущенную хозяином с поводка, генеральша поднимала такой крик, что голуби срывались с места дружной стаей. К голубям у генеральши был отдельный счет, вот только они совсем ее не боялись по причине врожденной глупости и способности к полету.

С владельцами собак у генеральши был разговор короткий: собака должна гулять в положенном месте, и точка. А что в старом районе положенных мест очень мало и они далеко, генеральшу совершенно не волновало.

Собачники пытались кричать о любви к братьям нашим меньшим, а также умиловить генеральшу мелкими подарками. Ничего не помогало – мадам Недужная была твер-

да и неподкупна.

Собаки тоже пробовали защищаться. Они лаяли, рычали, а питбуль из третьего подъезда однажды даже осмелился ухватить генеральшу за рукав зимнего пальто. Последовал грандиозный скандал, после чего у питбуля в результате стресса пропали все бойцовские качества, и его хозяин, местный бандюган Вовчик, вынужден был отправить собаку к бывшей теще в деревню, подальше от людей.

Ротвейлер Лукашовых из седьмой квартиры, гавкнувший спросонья на генеральшу на полутемной лестнице, на нервной почве заработал аллергию на мясную пищу.

Такса профессора Печникова едва не попала под машину, когда шарахнулась в ужасе от генеральшиного рыка во дворе.

В результате проведенных мероприятий кое-кто из собачников переехал, а остальные держали своих четвероногих друзей подальше от грозной вдовы.

Исключение составлял американский бульдог, принадлежащий как раз той семье, куда Татьяна Петровна нанялась в домработницы. Звали бульдога Моня – так сократили длинное и совершенно непроизносимое имя, которое значилось в собачьем паспорте.

По мнению Татьяны Петровны, а также всей дворовой общности, несмотря на чистопородный паспорт, Моня был клиническим идиотом. Он никого не слушался и совершенно никого и ничего не боялся. Всех и каждого, кто по-

падался ему на пути, он встречал широкой улыбкой на слюнявой морде, будь то дворничиха Зинаида с метлой, джип бандюгана Вовчика, асфальтовый каток или сама генеральша Недужная. Когда генеральша начинала орать, что собака без намордника, Моня думал, что с ним играют, и вторил ей веселым лаем. Когда ему удавалось сорваться с поводка, он нарезал круги по двору, сшибая по дороге маленьких детей и нерасторопных старушек, валялся в песочницах, после чего отряхивался непременно в подъезде на чисто вымытом Зинаидой полу.

Вдобавок ко всему Моня гадил. Гадил везде: на дорожках, на газонах, на клумбе с бархатцами, которые посадила под своим окном старушка Семенова. Гадил даже на детской площадке под грибком. Перевоспитать Моню было нельзя, и хозяин давно махнул на него рукой.

Все неприятности доставались Татьяне Петровне. Это она оправдывалась перед генеральшей, она умасливала взбешенную Зинаиду коробкой конфет, ей пришлось перекапывать клумбу и утешать старушку Семенову. Одним словом, американский бульдог Моня был кошмаром ее жизни, и не раз уже Татьяна Петровна подумывала отказаться от места, хоть и жаль было терять такую работу: хозяева не жадные, целый день на службе, особой грязи в квартире нет...

Лифт, как обычно, застрял где-то между четвертым и пятым этажами. Татьяна Петровна свесилась вниз, рискуя свалиться, и разглядела генеральшу Недужную в красной стеганой

ной куртке. Генеральша громко переругивалась с диспетчером. Татьяна Петровна вздохнула и потащила Моню обратно в квартиру. Тот возмущенно упирался. По коридору и через кухню она проволокла бульдога к двери черного хода. Татьяна Петровна не любила черную лестницу: там жили кошки, которых Моня пытался гонять. Кошки себя в обиду не давали, и дело не раз кончалось расцарапанной до крови мордой.

На этот раз, однако, никто им навстречу не попался, и они благополучно выкатились во двор. Во дворе было пустынно: дети в школе, родители на работе, а старушки сидят по домам по случаю плохой погоды.

Разумеется, Моня тут же потянул ее в лужу. Татьяна Петровна представила, сколько грязи придется счистить с хозяйских полов, ковров и с самого пса, и в который раз дала себе слово как можно скорее заняться поисками другой работы. Она дернула поводок к себе, Моня затормозил всеми четырьмя лапами, поднял облако брызг, весело залаял и бросился к стене.

Татьяна Петровна приняла боевую стойку. С этой стороны дома три двери вели в подвал. Две из них были закрыты наглухо, одной пользовались сантехники. К подвалу Моня проявлял живейший интерес и давно облюбовал его для особо изощренного хулиганства.

Однако Татьяна Петровна была начеку. Она намотала поводок на руку и решила, что не сдастся. Они миновали первую дверь. Перед второй Татьяна Петровна собрала все

силы, но мерзкий бульдог вдруг бросился ей под ноги. Она споткнулась, упала на колени и, чтобы не свалиться в лужу, выпустила из рук поводок. Моня торжествующе гавкнул и устремился на поиски приключений.

– Ах, чтоб тебя! – только и могла выговорить бедная Татьяна Петровна.

Но с псом вдруг стало твориться что-то странное. Вместо того чтобы нестись по двору, он затормозил у последней двери в подвал и удивленно принюхался. Потом сел на задние лапы и захлопнул пасть, так что даже слюна из нее больше не текла.

– Моня, – позвала Татьяна Петровна без особой надежды на успех. – Иди сюда, паршивец!

Моня оглянулся. Н-да, надо признать, Татьяна Петровна никогда еще не видела его в таком состоянии. Шерсть на загривке поднялась дыбом, глаза горели нехорошим огнем.

«Взбесился», – решила Татьяна Петровна.

Моня встал и на полусогнутых лапах принялся красться в подвал. Татьяна Петровна опомнилась и, мучительно морщась и преодолевая боль в разбитой коленке, пошла следом. Далеко они не ушли: бульдог остановился, задом выбрался наверх, уселся на верхней ступеньке и вдруг завыл.

Татьяна Петровна схватилась за сердце. Никогда она не слышала такого душераздирающего воя. Она заставила себя доковылять до собаки, схватила поводок и только потом поглядела вниз.

Там лежал человек. На нем были темный плащ, синие брюки и запачканные грязью ботинки.

– Нажрутса и спят где попало, – сказала Моне Татьяна Петровна.

Однако поза мужчины показалась ей несколько неестественной.

– Эй, – позвала Татьяна Петровна, – вам плохо?

Лежащий не отозвался, зато Моня выл не переставая и выводил такие рулады, что голова у Татьяны Петровны пошла кругом и в животе заурчало от ужаса.

– Замолчи, ирод! – Она шлепнула бульдога по морде.

К ее удивлению, Моня немедленно замолчал, придвинулся ближе и прижался мокрым боком к ее ногам. Кажется, впервые в жизни он испугался.

Татьяна Петровна и сама была не в лучшей форме. Она огляделась. Увы, эта часть двора и всегда была безлюдна, а уж сегодня, в такую ужасную погоду, здесь и вовсе никого не было. Нужно было на что-то решаться.

Таща за собой упирающегося Моню, Татьяна Петровна спустилась по ступенькам и осторожно приблизилась к лежащему мужчине. Нет, этого человека она точно не знает. Он не из жильцов, и во дворе она его никогда не видела. Вблизи было видно, что мужчина приличный, никакой не бомж и не алкаш. Одет скромно, но дорого. Ботинки хоть и грязные, но итальянские, хорошей фирмы, у хозяина такие же. Опять же стрелки на брюках заглаживали не далее как вчера – уж

такие вещи опытный глаз Татьяны Петровны замечал сразу.

Мужчина был солидной комплекции, можно сказать, полный. Он лежал на боку, видны были коротко стриженные курчавые волосы и синева пробивающейся щетины. Татьяна Петровна наклонилась и потрогала его за плечо. Плечо было каменным. Вообще в этом его лежании не было даже намека на движение, и Татьяна Петровна решила считать его не живым человеком, а телом. Неужели стало плохо с сердцем и он упал замертво прямо на ступеньках?

Любопытный Моня полностью освоился и сунулся вслед за ней понюхать тело.

– Не смей! – прикрикнула Татьяна Петровна.

Бульдог отскочил, и за ним потянулись следы лап, вымазанных чем-то темным. Татьяна Петровна наклонилась еще ниже, и волосы ее зашевелились от ужаса. Плащ на мужчине был не темным. От природы он был светло-серым, а темным казался из-за того, что был мокрым. Мокрым от крови.

Крови под телом натекла большая лужа. Осознав сей непреложный факт, Татьяна Петровна ахнула и выпустила из рук Монин поводок. Бульдог отпрыгнул в сторону. Татьяне Петровне стало дурно. Она оперлась рукой о перила и сейчас могла думать только о том, как бы не свалиться рядом с мертвым телом. Внезапно под другой рукой оказалось что-то мохнатое. Это что-то легонько прихватило ее руку зубами и тянуло Татьяну Петровну по ступенькам вверх. Кое-как они выползли во двор, и Моня залился лаем. Слабыми от

потрясения глазами Татьяна Петровна видела, что вдали показался сантехник Васильич. Она отчаянно замахала, и Васильич свернул в их сторону. По дороге к нему присоединились дворничиха Зинаида и вездесущая генеральша Недужная.

Люди шли на помощь, и успокоенная Татьяна Петровна позволила себе лишиться чувств.

Катерина просыпалась за ночь десять раз. А может, все одиннадцать. Это было совершенно на нее не похоже. Обычно она спала крепким здоровым сном, засыпала в ту же секунду, как голова касалась подушки, и с трудом просыпаясь по будильнику. Сны она видела творческие, высокохудожественные, и когда подруга Жанна в очередной раз принималась за ее воспитание и говорила, что нужно меньше есть и меньше дрыхнуть, Катя всегда убежденно возражала, что здоровый десятичасовой сон для нее необходимая часть творческого процесса. Да, именно во сне она увидела сюжет и композицию лучших своих панно. Катя любила приводить в пример английского поэта Кольриджа, который услышал во сне свою будущую поэму «Кубла Хан», и химика Менделеева, который увидел периодическую таблицу элементов тоже во сне. А если не всю таблицу, то, по крайней мере, ее часть.

Но этой ночью Катерина не могла спать спокойно. Какой уж тут сон, когда беспокоишься о родном муже.

– Валек! – восклицала она, в очередной раз проснувшись в одинокой постели и прижав к груди подушку, которая еще хранила запах мужа. – Валек! Как он там один, без меня?

Она как-то не думала сейчас, что муж большую часть времени проводил гораздо дальше от нее, в пустынях и джунглях Африки. Правда, тогда он не болел пневмонией.

Наконец, за окном засерел тусклый осенний рассвет, и Катя поднялась, чтобы как можно скорее отправиться в больницу.

Состояние мужа до того ее беспокоило, что она решила не завтракать и удовлетвориться парой яиц всмятку и совсем небольшим бутербродом. Наскоро умывшись и облачившись в стеганое непромокаемое пальто блекло-зеленого цвета, Катя подошла к двери и тут вспомнила, что в больницу не принято приходить с пустыми руками. Конечно, вчера ее заверили, что кормят в мини-госпитале неплохо, да и муж ее во всем, что касалось еды, был человеком чрезвычайно нетребовательным. Однако как-никак он болен, а больным, как известно, нужны витамины и разные деликатесы. Ближайший магазин на углу в такое время еще закрыт, да и, откровенно говоря, купить там для больного человека совершенно нечего – одни плавленые сырки и вареная колбаса сомнительной свежести. В супермаркет идти – много времени потеряешь.

Катя порыскала взглядом по кухне, и на глаза ей попался ананас, тот самый, который принесла вчера Ирка. Они чудно попили чай с тортом. Торт оказался удивительно вкусный –

ведь может же Ирка выбрать, когда хочет! – и до ананаса дело не дошло. Катерина бурно обрадовалась, сунула ананас в авоську, выскочила на улицу и призывно замахала проезжающим машинам.

Почти сразу рядом остановился сверкающий красный автомобиль. За рулем сидел жгучий брюнет с длинными кавалерийскими усами.

– Вах, какая женщина! – воскликнул брюнет, распахивая перед Катериной дверцу своего экипажа. – Поедем в ресторан!

– Поедем в больницу, – строго поправила его Катя. – В Седьмую городскую, на улице Прапорщика Лампасова. Знаете такую?

– Седьмая истребительная? – Брюнет посерьезнел. – Кто там у тебя, муж?

– Муж, – грустно подтвердила Катя.

– Садись, красавица! В ресторан в следующий раз поедем, когда муж поправится!

Однако на дверях мини-госпиталя Катя увидела грозное объявление:

«В связи с эпидемией гриппа посещение больных временно запрещено. Администрация».

– Валек! – воскликнула Катя, и ее глаза моментально покраснели. – Валичек! Неужели я тебя не увижу?

Она вытащила из сумочки огромный клетчатый платок и громко высморкалась.

В ту же секунду дверь мини-госпиталя приоткрылась, и оттуда выглянула строгая дама в наглухо застегнутом накрахмаленном халате. Судя по суровому и уверенному виду, под этим халатом имелся пуленепробиваемый жилет.

– В чем дело? – поинтересовалась старшая медсестра Варвара Францевна (а это была именно она).

– К мужу, – коротко ответила Катя и снова высморкалась.

– А объявления мы не читаем? – пошла в атаку Варвара Францевна. – Или вы думаете, что не для вас написано? Вы на себя посмотрите!

– А что такое? – испугалась Катерина и на всякий случай опустила глаза: вдруг вообразила, что в спешке она забыла надеть юбку.

Нет, юбка была на месте.

– А то, что вы уже распространяете инфекцию! Вы уже несете нашим больным вирусы!

– Это не то, что вы подумали! – Катя смутилась и спрятала платок. – Это я от расстройства.

– От расстройства или от радости, но на территорию мини-госпиталя я вас не допущу!

– Но могу я хотя бы узнать о состоянии мужа? – Катерина уже поняла, что эта стража ей явно не по зубам.

– Можете! – смилостивилась Варвара Францевна. – Кто у нас муж?

– У вас – не знаю, а у меня – Валентин Петрович Кряквин. Как его состояние?

– Состояние удовлетворительное. – Старшая сестра свери-лась с блокнотом.

– А температура?

– Температура нормальная. Тридцать шесть и восемь.

– Слава богу. – Катя снова всхлипнула и потянулась за платком.

Мегера в пуленепробиваемом халате захлопнула дверь. Катя высморкалась, горестно вздохнула и собралась уже уходить, но тут вспомнила, что принесла мужу замечательный ананас.

Она робко постучала в дверь. Никто не отозвался, тогда Катя собралась с духом и постучала сильнее. Дверь открыл охранник. Не вчерашний, тот был симпатичный, молодой и улыбочивый, а другой – постарше и более суровый на вид.

– В чем дело? – нахмурился он. – Вам же ясно сказали: посещение больных запрещено в связи с карантином по гриппу!

– Но я... но мне...

Катерина уже протянула было охраннику авоську, но тут вдали показалась Варвара Францевна, которая так грозно на нее глянула, что Катя отпрыгнула от двери, как испуганный заяц. Если бы она не была так расстроена, то заметила бы, что охранник хмурится вовсе не с перепоя, а сестрички мечутся совсем не по причине карантина. Будь на ее месте Жанна или Ирина, они бы сразу поняли, что в мини-госпитале что-то случилось и карантин здесь ни при чем.

Катя не знала, конечно, что сегодняшней охранник заступил на смену не по графику, потому что того, другого, нашли рано утром на полу без сознания. Его привели в чувство и отправили на рентген, потому как охранник охал и жаловался на сильные боли в животе – не иначе ему что-то там повредили. Не досчитались и одного больного по фамилии Хоботов. Именно под этой фамилией проходил в Седьмой истребительной профессор Кряквин с легкой руки рассеянной медсестры Дашеньки. Словом, Варвара Францевна была абсолютно честна, когда говорила Кате, что больной Кряквин чувствует себя удовлетворительно и температура у него нормальная.

На самом деле Станислав Николаевич Хоботов по кличке Слон чувствовал себя просто превосходно. После того как ночью малахольный сосед насыпал ему какой-то подозрительный порошок, Слон заснул крепко, как в детстве. И как в детстве, ему снились увлекательные цветные сны. Проснулся он рано бодрым и полным сил. От головной боли не осталось и следа, сердце и все остальные органы работали как часы. Слон легко встал с кровати и направился в санузел, который был у них с соседом общий. По дороге, само собой, он не мог не обратить внимания на некоторые странности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.